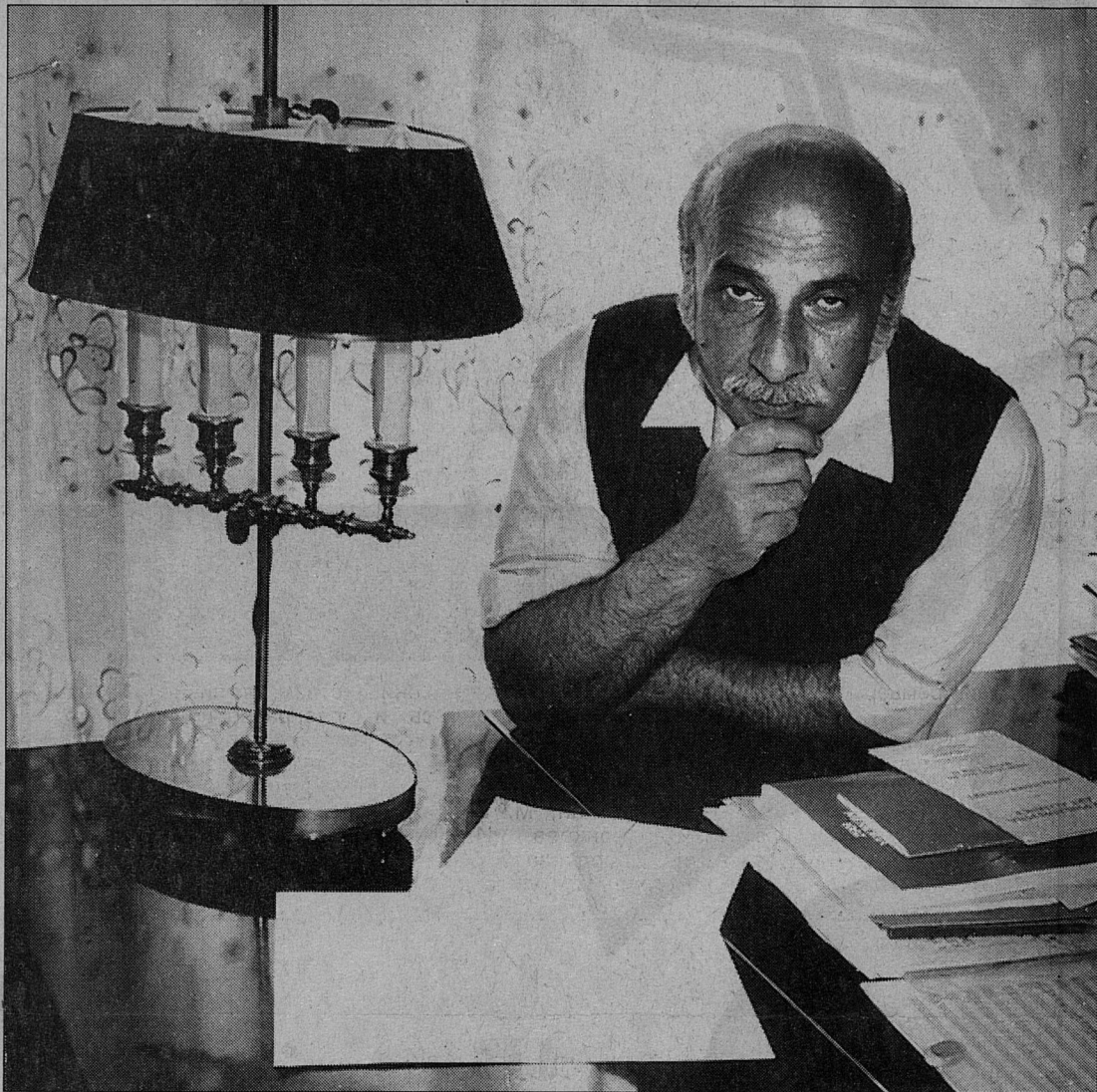

Канчели — тема с вариациями

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Мариам ИГНАТЬЕВА

До чего же все-таки горько участвовать в "игре" — свои или чужие, распознавать, кто наш, кто не наш, кто "бывший", кто "настоящий". Пустые забавы? Если глубоко вдуматься — несомненно пустые, бессмысленные, а ведь все равно невольно втягиваешься в них при первом же подвернувшемся случае.

В столице объявлен концерт Гии Канчели, авторский концерт, посвященный 60-летию талантливейшего музыканта. В прежние времена ничего, кроме предвкушения радости встречи с композитором, творчество которого никогда не проходило незамеченным, и неизменно рождало живейший интерес, не могло бы быть. О Канчели много говорили, писали, подчас спорили о его новаторских устремлениях, о прочности национальной природы образного языка, письма и прочем. И никакие "отвлечений" от художественных проблем не бывало. Имя произносилось с гордостью за успехи отечественной музыки, где представители самобытнейшей грузинской школы занимали видное место, а среди них ярчайшей личностью считался Гия Канчели.

Это в нем в свое время Родион Щедрин увидел одного из самых крупных музыкантов наших дней, идущих собственной дорогой. Однако по-разному, как всегда получается с истинными талантами, относились к нему: одни опровергали, другие восхищались Канчели — равнодушных не было.

Кстати, в ту давнюю пору слова Щедрина одновременно являлись и весьма сладостным комплиментом, и грозным "предупреждением". Бойся, мол, быть оригинальным — обвинят в утрате традиций, в отходе от народной почвенности языка, станут упрекать за элитарность искусства. Композитор же продолжал оставаться самим собой, писать чудесные симфонии, оперы, инструментальные пьесы. И каждое сочинение, в любом жанре, становилось открытием — то в мелодическом языке, то в гармонии, то в оркестровке. Пленимы, съезды, композиторские смотры не обходились без имени Канчели.

И вдруг оно совсем исчезло с горизонта (когда распались СССР и Союз композиторов страны). Слово никогда и не знали ранее грузинской музыки, грузинских авторов. Ползли слухи, они потом и подтвердились: музыканты уезжают за рубеж. Среди уехавших был и Гия Канчели.

И естественно, когда дошла весть о возможности нынешней встречи с талантливейшей музыкой, с ее автором, о встрече после долгой разлуки, сообщение многих взволновало и окрылило. Тем более что и личность исполнителя программы — дирижера Евгения Колобова, выступающего с оркестром руководимого им театра "Новая опера", вселяла большие надежды, воспринималась как событие далеко не ординарное. И избранный для концерта репертуар — Симфония № 6 и "Светлая печаль" (музыка для хора мальчиков, двух солистов и оркестра) — все это обещало очень и очень многое.

Но почему же все-таки первой реакцией на предстоящее событие стало непреодолимое желание обязательно встретиться с самим героем, задать ему хотя бы пару вопросов о том, как живет музыканту там, "за бугром"? Каковы нынешние занятия и творческие планы? Сознаю, что присутствует в этих вопросах доля обывательского любопытства: сама музыка способна куда убедительнее рассказать о художественных интересах автора (правда, исполняться должны были сочинения, написанные еще в 80-е годы, на этой земле). И все же прорываюсь на репетицию, добиваясь встречи с композитором, настойчиво прошу короткой беседы.

Просиживаю три с половиной часа на репетиции, а вечером — на концерте и прежде всего упиваюсь музыкой. Божественной музыкой. Помоему, только Канчели умеет вот так, словно совершая волшебство, рождать из тишины музыку, заставлять вслушиваться в тишину, взрывать благоговейное спокойствие ожесточенными выкриками, всплесками оркестра. Печальный звон колоколов сменяет человечнейшая лирическая мелодия, словно сплавленная из любви и страданий, скорби и светлых надежд; мягко наплывающие звуковые волны соседствуют с почти зримо конкретным "театральным действием"; трепетно-нежная, возвышенно-мечтательная речь — с яростным всплеском душевной боли. Паузы, остановки — характерные краски почерка Гии Канчели, но они никогда не оставляют пустое пространство

между звучащими фразами: в каждом молчании — жизнь продолжается.

Эти сумбурные в импрессионистическом духе, зафиксированные на программке слова о музыке грузинского композитора, беглы и поверхностны. Они не могут передать глубину, величие, содержательность прозвучавших в концерте произведений Канчели.

Итак, дождавшись перерыва, задаю свои "банальные" вопросы:

— Чем вы заняты сейчас, каковы творческие планы на ближайшее время?

(Едва успеваю записывать названия сочинений, имена исполнителей, города, где будет звучать его музыка).

— Тотчас по возвращении из Москвы в Антверпен, где я сейчас живу, срочно начну подготовку к концертным выступлениям в Филадельфии с Гидоном Кремером, для которого я сочинил новую музыку — "Lament" — для скрипки с оркестром. 2, 3 и 4 ноября состоится премьера с Филадельфийским оркестром, а 7 ноября с этим же оркестром Кремер выступит в "Карнеги-холл".

Следующая премьера состоится 14 февраля — прозвучит одночастное сочинение "SIMI" (по-грузински это значит струна), специально сочиненное для Мстислава Ростроповича. Подзаголовок партитуры — "Безрадостные мелодии для виолончели с оркестром". В марте в Мангейме прозвучит новый опус, неукладывающийся в рамки общепринятых жанров, — Квинтет для группы медных инструментов с оркестром. Так что, как видите, творческая жизнь моя очень активна.

— А как вообще вам живется в дальних краях?

— На этот вопрос однозначно ответить невозможно. Нет на земле ни одной страны, ни одного уголка, где жилось бы или только хорошо, или только плохо. Такого не бывает. Без плохого нет хорошего, а без хорошего нет плохого. Так и у меня: творчески, как вы сами можете судить по рассказанному, мне очень хорошо: полная художественная свобода, условия для исполнения написанных сочинений превосходные, возможности для постоянного общения с прекрасными артистами, со слушателями неограниченные; лучшие залы, лучшие солисты, лучшие оркестры; нотные издания, пластинки, диски, — казалось бы, замечательная жизнь!

Однако то, что я оторван от своей родной земли, от страны, где родился и рос, от друзей, с которыми столько лет делил радости и огорчения; что я не вижу красот природы, восторгавших меня всегда, что лишен возможности дышать пьянящим воздухом Грузии, что я всюду "в гостях", а не дома — это плохо, очень плохо. Однако что поделаешь? Таков закон жизни, строящейся всегда на контрастах, на противоречиях...

Мы прощаемся, расстаемся, наверное, надолго. Но я продолжаю еще жить волшебной музыкой этого автора, заставляющего верить и любить, радоваться и плакать. Жить надеждой, что станут часты встречи с ним, хотя ныне он уже дважды "иноземец" в России.